

12+

Дмитрий Королев

**МАРШРУТ
НА ВЫХОДНЫЕ**

Дмитрий Королев

Маршрут на выходные

«Издательские решения»

Королев Д.

Маршрут на выходные / Д. Королев — «Издательские решения»,

Эта книга родилась не из желания дать ответы. Она родилась из тишины, в которой привычные ответы перестали работать. У себя в кабинете я часто наблюдаю, как люди, привыкшие всё держать под контролем, вдруг сталкиваются с тем, что контролировать нельзя: срыв, тупик, выгорание... И как в этой точке, когда рушится «всё под контролем», вдруг появляется редкая возможность услышать себя — не как руководителя, мужа, отца, а как человека, которому нужно просто выдохнуть. Эта история — про такой выдох.

© Королев Д.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
МАРШРУТ НА ВЫХОДНЫЕ	7
ГЛАВА 1	9
Точка ноль	9
ГЛАВА 2	15
Маршрут	15
ГЛАВА 3	19
Место, где я был счастлив	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Маршрут на выходные

Дмитрий Королев

© Дмитрий Королев, 2026

ISBN 978-5-0071-1390-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Эта книга родилась не из желания дать ответы. Она родилась из тишины, в которой привычные ответы перестали работать.

Я клинический психолог. Практикующий специалист. У себя в кабинете я часто наблюдаю, как люди, привыкшие всё держать под контролем, вдруг сталкиваются с тем, что контролировать нельзя: срыв, тупик, выгорание, пожар. И как в этой точке, когда рушится «всё под контролем», вдруг появляется редкая возможность услышать себя. Не как руководителя, не как мужа и отца, а как человека, которому нужно просто выдохнуть.

Эта история про такой выдох. Про маршрут, который не ведёт к новым достижениям, а возвращает к себе. Сергей — не идеальный герой. Он растерян, ему страшно и стыдно от собственной пустоты, и он не знает, что сказать близким. Но именно в этой неидеальности и прячется честность, в которую ты, мой читатель, можешь поверить и за которой можешь пойти.

Путь — это не только движение. Остановка — это тоже часть пути. Эта книга — остановки, где каждый найдет в них для себя что-то важное, как и герой книги — Сергей. Он не заполняет дневники, как «домашнее задание» психолога, а проживает: смотрит на дорогу, замечает запах, делает глоток остывшего кофе, чувствует... думает... мечтает... И за ним хочется повторить не потому, что так надо, а потому, что в этот момент читатель с героем — одно целое.

Если ты откроешь эту книгу, когда на плечах слишком много «надо», когда фраза «всё под контролем» звучит как насмешка, а тишина пугает больше шума, пусть она станет для тебя пространством, где можно не решать. Где можно просто быть. А когда, после прочтения, ты поймаешь себя на мысли: «Во мне что-то поменялось, но я пока не понял что» — значит, «Маршрут на выходные» сработал.

Читайте не торопясь. Чувствуйте... Думайте... Мечтайте... Дайте себе право ничего не решать прямо сейчас. Подарите себе это время!

Приятного чтения.

Дмитрий Королев.

МАРШРУТ НА ВЫХОДНЫЕ

5:30 утра. Сергей сидит на кухне, пока дом ещё спит. Через открытую дверь виден силуэт спящей жены. Лёгкое покрывало, когда-то подаренное им на свадьбу, едва заметно поднимается и опускается в такт её спокойному дыханию. Рядом, в детской кроватке, смотря свой детский наивный сон, посапывает пятилетняя дочка. Её маленькие ручки крепко прижимают к груди любимого плюшевого тигра, а губы беззвучно шепчут что-то во сне.

В этой тишине каждый звук кажется нереально громким: тиканье старых часов на стене, ровное дыхание спящих родных, едва уловимый шорох занавески от утреннего ветерка. Первые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь занавески, рисуют на стене узоры, в которых можно разглядеть целые миры.

Сергей смотрит на эту идиллию, но вместо чувства умиротворения его охватывает невыносимая тяжесть, которая не дает дышать, сдавливает грудь огромными стальными тисками и, кажется, из них не выбраться. Этот дом, который, когда-то был его крепостью, теперь кажется клеткой. Эти люди, которых он любит больше всего на свете, словно стали частью его непосильной ноши.

Его взгляд скользит по квартире, останавливаясь на каждой детали: на полке с фотографиями семьи, на которых улыбаются ему жена и дочка, на детских рисунках с динозаврами, приколотых к холодильнику магнитиками, на любимой кружке жены, забытой на подоконнике. Всё это — части его жизни, которые теперь кажутся разрушенными.

Он знает, что должен что-то сказать им. Объяснить, успокоить, пообещать, что всё будет хорошо. Но слова застревают в горле, потому что он сам не верит в то, что хочет сказать. И от этого молчания дом, наполненный сном дорогих ему людей, становится всё тяжелее, словно давит на него своей тишиной. Густой, вязкой, бесконечной. Весь этот тихий дом кажется ему самым тяжёлым грузом. Потому что он не знает, что им сказать.

«Всё под контролем» — фраза, столько лет служила ему щитом на деловых встречах, столько раз спасала на совещаниях, столько раз помогала держать лицо, что он почти поверил в неё. А теперь звучит как насмешка. Она больше не защищает, а ранит, словно тупым ножом, напоминая о потерянной иллюзии власти над собственной жизнью. И от этого внутри все больше разрастается пустота. Не та, которую можно заполнить новыми проектами или достижениями, а глубокая, всепоглощающая пустота, в которой тонут все его прежние убеждения и смыслы.

Пожар на складе не просто уничтожил товар и документы — он выжег его уверенность в собственных силах. Он уничтожил ощущение, что Сергей всё держит в руках. Он уничтожил его ценность. И самое странное — он не чувствует злости. Ни на подрядчика, который не обеспечил должную безопасность, ни на охрану, прозевавшую возгорание, ни на погоду, способствовавшую распространению огня, ни на судьбу. Он чувствует пустоту. И стыд. Стыд от собственной беспомощности, когда от него столько зависит. И ещё страшнее было не понимать, где теперь взять ощущение собственной ценности? Пустота. Всепоглощающая бездонная пустота. Его мир рухнул, а вместе с ним рухнули и его представления о себе. Сергей вспоминает свои прежние победы, свои достижения, но теперь они кажутся пустыми, лишёнными смысла. Выхолощенными. Всё, во что он верил, оказалось иллюзией. Всё, что он строил, оказалось картонным домиком. И самое страшное — он не знает, как теперь собрать себя по кусочкам, как вернуть утраченную веру в себя. Как найти смысл жить.

Перед ним на столе лежит чистый лист бумаги и ручка. Рядом лежит папка с надписью «Склад. Страховка. Инвентаризация». Сергей долго смотрит на лист бумаги и ручку, затем переводит взгляд на папку, и не может вспомнить, когда в последний раз держал в руках обычную бумажную папку. Он проводит пальцем по обложке, чувствуя шероховатость картона. Всё

было в облаке, в чатах, в задачах, в письмах, в срочных созвонах. А теперь — бумага с пожелтевшими краями. И запах гари, который не выветривается. Который стал символом его поражения. Он пропитал не только вещи, но и его сознание. Даже сейчас, в тишине кухни, когда все запахи говорили о доме и уюте, его мозг упорно воспроизводил тот самый запах, как напоминание о том, что всё рухнуло в одно мгновение — бизнес, контроль, планы, обнажив страх и собственную уязвимость. Сергей вдруг замечает, что у него дрожат руки. Не от злости. Не от спешки. От пустоты, которая пришла вместе с тишиной. Раньше тишина означала «всё под контролем». Теперь она звучит как вопрос: «Что дальше?».

Сергей отодвигает папку, наливает остывший кофе, делает глоток и морщится. Горько. Слишком горько. Как будто вкус всего, во что он верил последние пятнадцать лет, все, что он строил, вдруг стал чужим. Он ставит чашку, смотрит в окно на серый двор. Перед глазами проплывают картины прошедшего дня — чёрный дым, заволакивающий небо, рев и грохот пламени, крики людей, запах горящего пластика и раскаленного металла, а потом... тишина.

— Я не знаю, кто я без этого бизнеса.

Мысль отозвалась в голове эхом. Он медленно проводит рукой по столу, словно пытаясь ухватиться за ускользающие мысли. В этот момент что-то внутри него начинает сдвигаться. Не ломается с треском, а именно двигается, освобождая место для чего-то нового. Сергей обратил внимание, что эта мысль не разрушает его. Она звучит, как... приглашение. Сергей, привыкший считать, анализировать и действовать, кажется, впервые столкнулся с тем, что привычное перестало быть эффективным. Оно просто перестало быть. «Пустота всегда заполняется», — подумал он, — «Вопрос, чем ее теперь заполнить? И, главное, зачем?» В груди разливалось странное, непривычное ощущение — не радость и не печаль, не раздражение, а что-то среднее, будто после долгой болезни наступает первая ясная мысль. «Я хочу разобраться» — эта мысль пришла неожиданно, словно ответ на все его внутренние вопросы. Слегка удивившись необычной для себя реакции, Сергей пишет на листе бумаги «Я вернусь», встает из-за стола, наливает в термос остывший кофе, надевает куртку и, задержавшись перед зеркалом, смотрит на себя дольше обычного, всматриваясь в своё отражение. В этом человеке с усталыми глазами и напряжёнными плечами он едва узнавал себя. Перед ним стоит не успешный бизнесмен, а человек, который ищет ответы. Человек в отражении был какой-то чужой и одновременно такой знакомый. «По-прежнему, все равно уже не будет!» — подытожил Сергей.

Он открывает дверь и выходит в подъезд, где на этаже его ждет старый уставший лифт. Он нажимает кнопку первого этажа и вдруг понимает, что впервые за долгое время, он не составляет в голове список дел, не прокручивает сценарии переговоров, не раздражается на подчиненных... Никуда не торопится. И это ощущается как... свобода — маленькая, но настоящая. Лифт едет медленно, привычно отсчитывая этажи. 4... 3... 2... Секунды, в которых Сергей впервые за много лет не пытается ничего решить. Его лицо, как всегда, сосредоточено, но сегодня как-то иначе. Сегодня он не поедет решать проблемы. Сегодня он поедет искать то, что не сгорит. То, что останется, даже, если рухнет весь мир.

Это будет маршрут на выходные. Сегодня он поедет не туда, где ждут решений. А туда, где можно просто быть.

ГЛАВА 1

Точка ноль

Дверь подъезда неохотно скрипнув, распахнулась. Город встречал Сергея зябкой утренней сыростью и какой-то звенящей тишиной — такой, что слышно, как падает одинокий лист с клёна у крыльца. Он задержался на пороге, будто ждал, что привычный гул — сигналы машин, голоса спешащих прохожих, звонки телефона накроет его и вернёт в привычную колею. Но тишина держалась, и от этого становилось не то, чтобы беспокойно, а как-то странно. Как будто мир на секунду замер, чтобы дать ему шанс услышать, что-то очень важное.

Сергей глубоко вдохнул. Запах гари снова ударил в нос — он уже почти привык к нему, но сегодня он казался острее, будто пепел ещё витал в воздухе. Он опустил взгляд на термос в руке, почувствовав холод металла, на свои ботинки, когда-то до блеска начищенные, а сейчас покрытые мелкой пылью, и вдруг поймал себя на мысли, что не знает, куда идёт. Сергей замер, словно споткнувшись о собственные мысли. Этот вопрос — «куда я иду?» — прозвучал внутри него не как о маршруте, а как о смысле. Он остановился перед подъездом, будто налетел на невидимую стену. Он стоял, чувствуя, как внутри разрастается пустота. Пустота, в которой эхом отражались его собственные слова: «Всё есть, а меня нет». Они были простыми, почти детскими по своей формулировке, но в этой простоте заключалась вся его сегодняшняя правда. Эти слова казались ему теперь не просто осознанием, а приговором. Приговором человеку, который построил империю, но потерял себя. Он закрыл глаза, пытаясь собрать мысли в кучу. В голове крутились обрывки фраз, осколки воспоминаний, фрагменты несбывшихся надежд. «Всё есть» — офисы, машины, счета, контракты. Но «меня нет» — настоящего, искреннего, живого. «Кто я без всего этого? Что я чувствую? Чего я по-настоящему хочу?»

Сергей медленно пошёл по тротуару, не ускоряя шаг, в сторону подземной парковки, где стоял его автомобиль. Раньше он всегда шёл быстро, почти бежал: «надо успеть», «надо решить», «надо ответить». Сегодня ноги сами выбрали другой ритм — медленный, почти ленивый. И это ощущалось как бунт. Как если бы тело сказала: «Хватит».

Город постепенно просыпался и наполнялся людьми. Мимо проехала первая маршрутка. Прошла женщина с собакой, не глядя на Сергея. Всё вокруг жило своей обычной жизнью, в привычном ритме и только он будто выпал из расписания. Ему хотелось достать телефон, открыть календарь, найти хоть одну строчку, которая скажет, что делать дальше. Но он не стал. Вместо этого он посмотрел на асфальт, на трещины, на камешек, застрявший в решётке ливнёвки, на тень от фонарного столба, вытянувшуюся по мокрому бетону в лучах восходящего солнца. «Точка ноль», пронеслось в голове. Странная фраза, будто не его. Будто кто-то другой подсказал. Точка, где нет ни «до», ни «после». Где всё, что ты строил, вдруг перестало иметь значение. Где ты стоишь и понимаешь: я не знаю, кто я сейчас. И, кажется, впервые не пытаешься ничего срочно исправить.

Он свернул в небольшой сквер, выбрав другой маршрут, не тот по которому ходил обычно. Не потому, что здесь был короткий путь, а потому, что хотелось иначе. «Почему я не бегу?» — этот вопрос эхом отразился в его сознании. Отсутствие привычного бега, того самого, что стал его второй натурой освободило место для мыслей. «Куда я спешил все эти годы?» — мысль пришла неожиданно, словно ответ на давно заданный вопрос. Он вспоминал бесконечные совещания, срочные встречи, важные переговоры. — «Может быть, я бежал не к цели, а от самого себя? Для чего? От своих страхов, от неуверенности, от необходимости остановиться и посмотреть правде в глаза?». Сергей глубоко вдохнул прохладный утренний воздух. В этом вдохе было что-то новое — не попытка набраться сил для очередного рывка,

а простое наслаждение моментом. Он чувствовал, как внутри мысли начинают пробиваться к сознанию, словно цветок, пробивающийся сквозь асфальт. «Может быть, — подумал он, — именно в этом и заключается настоящая сила — в умении остановиться. Не бежать от проблем, не убегать от себя, а просто быть здесь и сейчас?». Его шаги стали медленнее, осознаннее. Он замечал то, чего раньше не видел: как играют лучи солнца в каплях росы, как шелестит листва, как пахнут цветы. И в этом простом созерцании сейчас была целая вселенная, целая жизнь, которую привычно проскакивал в своём бесконечном беге. «Сейчас я не бегу, прошептал он едва слышно. И это не слабость. Это... ощущается как свобода?»

Вдоль дорожек стояли скамейки. Сергей подошел к одной из них сел, на ещё влажные от утренней росы доски. Поставив термос между колен, он расстегнул куртку. Холод пробирался под ткань, но он не спешил застёгиваться. Пусть будет холодно. Пусть будет по-настоящему. Пусть снаружи будет так, как и внутри.

Из кармана он достал маленький блокнот, тот самый, куда раньше записывал задачи: «созвон», «счёт», «встреча», «контроль». Сегодня страница была чистой. Он повертел ручку в пальцах, провёл кончиком по бумаге. Рука предательски дрожала. И вдруг понял: он не хочет писать задачи. Он хочет записать что-то другое. Что-то, что прямо сейчас бьётся внутри, как пульс.

Шарик ручки послушно скользил по бумаге и с характерным поскрипыванием, оставлял чернильный след, выводя буквы: «Я не знаю, что будет дальше. И это страшно. Но ещё страшнее мне было притворяться, что знаю».

Он перечитал строчку. И почувствовал, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось. Не решение, не план, не стратегия. Просто признание, доверенное гладкому бумажному листку блокнота. Маленькое, но настоящее. Честное. Перед собой.

В этот момент, во влажную тишину сквера влился звук. Повернувшись в сторону звука, Сергей увидел, как, следом за собакой, натягивая поводок, мимо пробежал мальчишка, громко смеясь. Обычный городской миг. И Сергей вдруг подумал: вот оно. Вот эта секунда — она и есть точка ноль. Не катастрофа, не провал, не конец. А пауза. Остановка. Место, где можно выдохнуть и спросить себя: «А что я чувствую прямо сейчас?»

Он закрыл блокнот и убрал его в карман. Взял термос, открутил крышку и налил в нее давно остывший кофе. Сделал глоток. Кофе был холодным, горьким, но сегодня это не казалось предательством, так, как было раньше, когда слегка остывший кофе, поданный секретаршей Машей, вызывал гнев и раздражение. Этот кофе был честный. Горький и холодный. Как и тишина. Как и пустота, в которой наконец-то можно было расслышать свой собственный голос, повторявший вопрос: «Что я чувствую прямо сейчас?»

Сергей посмотрел вперёд на дорожку, уходящую между деревьями, на свет, который становился всё ярче. День начинался.

Не как день спасения бизнеса, не как день решения проблем. А как день, когда можно просто идти. Без плана. Без дедлайнов. Без «надо». И впервые, может быть в жизни, он почувствовал не вину за то, что ничего не делает, а лёгкость. Как будто с плеч сполз тяжёлый, давно надоевший рюкзак с накопившимся хламом. Сергей остановился на этой дорожке, чтобы просто подышать. Непривычное состояние. Столько звуков появляется вокруг. Скрип камушков под ногами, идущих мимо прохожих, шелест утренней листвы, запах еще влажного воздуха и горький привкус остывшего кофе во рту. «Что я чувствую прямо сейчас?», пронеслось снова в голове. Сергей остановился на этой дорожке, чтобы просто подышать. Не ради результата, не чтобы «стать лучше». Просто, хотя бы эти три вдоха позволить себе ничего не решать. Глубокий вдох, щекоча ноздри, наполнил легкие, приподняв грудь. Сергей задержал дыхание и плавно выдохнул, чуть более теплый воздух, будто выпуская накал привычного напряжения изнутри. «Что я чувствую прямо сейчас?» Снова вдох, медленный, наполняющий и плавный выдох. «Я чувствую... спокойствие». Но это было другое спокойствие. Не на морально-воле-

вых, когда в сотый раз объясняешь партнеру нюансы поставки, не то спокойствие, которое с трудом удерживал, когда слушал новости о пожаре, не то спокойствие, когда коллеги, который раз говорили, что нужно переехать из старой квартиры в новую и, что эта квартира давно ему не по статусу. Это было другое спокойствие. Настоящее. Для себя, а не потому, что «надо». Сергей посмотрел на здание через дорогу и остановил взгляд на крупной вывеске театральной школы с говорящим названием «Настоящие». Вот, что я сейчас чувствую. Настоящее. И мне спокойно. Это и есть та самая точка ноль, подумал Сергей. Место, откуда можно начать не с плана, а с себя. Я не обязан ничего решать прямо сейчас. Сергей, словно замер, вдыхая еще прохладный воздух сквера, слушая звуки просыпающегося города, будто слышал их впервые. Его наполняли запахи, на которые он привык не обращать внимания, двигаясь со скоростью летящего сапсана. Все это было ново и неожиданно. Один из ароматов, мимолетно принесенный легким порывом ветра, коснувшись Сергея, вернул его в момент, когда он, будучи еще совсем молодым предпринимателем, накопив первые деньги, купил первую квартиру. Свою. В которой живет и сейчас с женой и дочкой. Резко накотившая волна тех забытых эмоций была настолько сильной, что Сергей слегка пошатнулся. Он вспомнил всё: тот самый восторг, когда понял, что получилось, гордость, от которой хотелось кричать, планы, которые казались бесконечными. Пожилой прохожий, посмотрев на Сергея улыбнулся. Просто и искренне. По-настоящему. Сергей привычно решил улыбнуться ему в ответ, из вежливости, потому что так «надо» и с удивлением для себя, неожиданно обнаружил, что уже улыбается. Это была ответная улыбка прохожего, понял Сергей. От наплывших эмоций слегка кружилась голова. Это было очень непривычно и немного странно. «Надо же, я даже не заметил, как улыбался», подумал Сергей, который за долгие годы привык все и всегда держать под контролем. Бизнес, график... эмоции... Утренний туман уже почти рассеялся, а тени начали становиться короче. День все больше забирал свои права.

Сергей, оторопевший от непривычных для себя ощущений, неуверенно пошел вперед. «Почему эти старые чувства, которые неожиданно нахлынули сейчас, такие сильные? Почему я, достигая и добиваясь каждый день, чаще всего чувствовал пустоту?» Многоголосый рой мыслей крутился в голове Сергея, задавая все новые и новые вопросы, которые пока не находили ответа.

Одолеваемый мыслями, Сергей дошёл до стоянки, где на привычном месте поблескивал его автомобиль. Он нажал на брелок — фары коротко мигнули, двери щёлкнули. Машина ждала, как всегда, готовая унести его в привычный ритм: звонки, встречи, «надо успеть».

Рука потянулась к кнопке запуска двигателя, но замерла в воздухе, словно наткнувшись на невидимую преграду. Сергей почувствовал, как внутри что-то надломилось — не от боли, а от осознания собственной беспомощности. «Почему я не могу просто нажать на эту чёртову кнопку?» — пронеслось в голове. Он смотрел на панель приборов автомобиля, и вдруг весь комфорт и элегантность салона показались ему такими же бессмысленными, как и все его прежние достижения.

Вместо того чтобы завести машину, он медленно достал блокнот. Пальцы дрожали, когда он открывал чистую страницу. Перед глазами плыли чёрные точки, а в ушах стоял гул, похожий на шум надвигающегося шторма. Ручка в его руке казалась тяжёлой, словно свинцовой. Сергей начал рисовать простую схему — батарейка с плюсом и минусом. Его рука двигалась механически, будто сама по себе, пока разум погружался в бездну размышлений.

Напротив минуса он начал писать и каждое слово давалось с трудом, будто клещами вытаскивая из глубины души самые страшные признания, как заржавевшие гвозди:

«Кризисные меры — высасывают всё до последней капли»

«Недосып и тревога — убивают остатки сил»

«Пустота... абсолютная пустота внутри — ...»

Сергей задумался и не найдя быстрого ответа на третий пункт, напротив плюса написал только одно слово: «Семья». И тут же дописал: «Парк динозавров. Дочка. Отпуск». Парк динозавров... Перед глазами появился образ дочки: маленькая, хрупкая фигурка с огромными глазами, полными надежды. Он помнил каждую черточку её лица: ямочки на щеках, когда она смеётся, непослушную прядь волос, которая вечно падает на глаза, крошечные веснушки на носу. Сколько раз он обещал дочке туда сходить! Каждый раз находились важные встречи, срочные дела, неотложные проблемы. «Потом, милая, потом», говорил он, откладывая радость дочери ради несущественных встреч. А она всё ждала, верила, что папа найдёт время.

Он закрыл глаза, вспоминая, как дочка рисовала динозавров, как рассказывала о них, как мечтала увидеть «настоящих», хоть и искусственных. Сколько раз он обещал, и сколько раз подводил... В ушах звучал голос дочки: «Папочка, ну, когда же мы пойдём в парк?», «Обещаешь?», «Ты же говорил — в выходные!». Слова падали как семена несбывшихся надежд, которые он так щедро сажал в душу своего ребёнка.

Сергей вспомнил, как дочка однажды спросила: «Пап, а почему ты всегда занят? Даже когда я болею, ты не можешь побыть со мной?» Тогда он отмахнулся, сказав, что его работа очень важна. Теперь он понимал: это была фальшь. «У меня важная встреча», «Надо закончить отчёт», «Завтра будет больше времени» Для чего все это было нужно? Сейчас он отчетливо понимал, что в этом ему еще предстоит разобраться.

«Парк динозавров», написал он снова, на этот раз с особым чувством. Не просто пункт в списке, а обещание, которое наконец-то можно сдержать. Он больше не хотел видеть себя тем, кто приносит подарки как выкуп за своё отсутствие, тем, кто платит за развлечения как сублимацию папиного внимания. Он просто хотел быть рядом. Быть настоящим.

Сергей закрыл глаза, пытаясь представить, как изменится её лицо, когда он наконец выполнит своё обещание. В его воображении дочка бежала к нему с распахнутыми объятиями, её глаза сияли от счастья, а улыбка освещала всё вокруг. Он видел, как она хвастается перед друзьями, как рассказывает всем: «Мой папа всегда держит свое слово!»

Но в глубине души скреблось то самое чувство недоверия к себе. Оно было похоже на старого знакомого, который никак не хотел уходить. Как ядовитый плющ, оно оплетало его мысли, душило надежду: «А вдруг ты снова подведёшь? Вдруг снова найдёшь причину отложить? Вдруг снова выберешь работу вместо дочери?» Эти мысли были как острые шипы, впивающиеся в сердце. Они напоминали о всех несбывшихся обещаниях, о всех отговорках, о всех «потом» и «в следующий раз». Но теперь что-то изменилось. Теперь эти шипы не парализовали его, а наоборот, заставляли двигаться вперёд.

Он представил, как стоит перед дочкой и снова произносит это лживое «потом». Увидел разочарование в её глазах, почувствовал, как она отдаляется от него ещё больше. Становится меньше и меньше. Он протягивает руки к ней, чтобы вернуть, но она исчезает, превратившись в точку. И эта картина была настолько болезненной, что он понял — больше некуда отступить. Расставляя приоритеты в пользу не слишком важных дел на работе, он понял, что в угоду своей слабости, каждый раз предавал самых близких людей. Чтобы казаться, а не быть.

Сергей открыл глаза и посмотрел на написанные слова. «Парк динозавров» — эти слова теперь несли в себе не просто обещание, а целую историю искупления. Историю о том, как отец учится быть настоящим, как учится держать слово, как учится быть рядом и физически, и душевно.

В его груди рождалось новое чувство — не чувство вины, не чувство долга, а чувство ответственности перед самим собой и перед дочерью, приправленное лёгкой, почти забытой надеждой. Не план, не стратегия — просто, направление.

Ответственность за свои слова, за свои обещания, за своё присутствие в её жизни. Кажется, первое собственное желание, которое он позволил себе заметить. Это первый шаг к восстановлению доверия, первый кирпичик в фундаменте новых отношений с дочерью, где

главное место будет занимать не его занятость, не его успехи, не его достижения, а просто он — настоящий, живой, рядом.

В его памяти всплыл образ, как она стоит у окна в своей любимой пижаме с динозаврами, прижавшись носиком к стеклу, и ждёт, ждёт, ждёт его возвращения. Как она рисует в альбоме картинки с ним — всегда большими шагами, спешащим куда-то, но никогда не останавливающимся рядом с ней. Он увидел её такой, какой она была в его редких снах — не в образе вечно спешащего родителя, а в образе того папы, которого она заслуживала: внимательного, доброго, настоящего. В этом образе не было дорогих подарков и блестящих игрушек — только его присутствие, его улыбка, его время. Только то, что действительно делало её счастливой — не материальные вещи, а ощущение, что папа рядом, что он видит её, слышит, понимает. И в этом образе было что-то такое пронзительно — настоящее, что заставило его сердце сжаться от боли и надежды одновременно. Потому что он вдруг понял — она всё это время ждала не подарков и развлечений, а его самого, настоящего, не отвлечённого, не занятого, а просто — папы.

«Папочка, пожалуйста, не подведи!» — эти слова прозвучали в его голове внезапно и отозвались такой болью, что сердце сжалось до размера булавочной головки. В этот момент что-то надломилось внутри Сергея окончательно. Слова дочери, произнесённые с такой чистой, незамутнённой верой в его силы, в его способность быть настоящим отцом, в его способность держать слово, ударили сильнее любой физической боли. Они были не просто просьбой — они были криком души ребёнка, который каждый день просыпался с надеждой увидеть в его глазах не усталость и занятость, а любовь и внимание.

«Папочка, пожалуйста, не подведи!» — в этих словах было столько веры, столько надежды, что у него перехватило дыхание. Эти слова были как удар под дых, как холодный душ, смывающий все маски и притворство. Они обнажали правду, которую он так долго прятал даже от самого себя: он не просто подводил дочь — он предавал её доверие каждый раз, когда выбирал встречу вместо прогулки, отчёт вместо игры, звонок вместо объятий.

«Папочка, пожалуйста, не подведи!» — эти слова стали приговором его прежней жизни, но одновременно и шансом доказать, что он может быть другим, что он может быть настоящим отцом.

Эта фраза снова и снова звучала в голове Сергея. Он закрыл глаза, чувствуя, как огромный ком подступают к горлу, не давая дышать. Слезы душили его так, как никогда не было раньше. В этот момент он понял, что эти слова, возникшие у него в голове — это не просто просьба дочери. Это был вызов самому себе, испытание его готовности измениться, проверка его желания стать другим. И он чувствовал, что готов принять этот вызов, сейчас, как никогда раньше.

Он снова посмотрел на строчки в блокноте, и впервые со своих детских лет почувствовал не вину, а лёгкую, почти забытую надежду. Не план, не стратегию — просто направление, а вместе с ним — огромное желание все изменить. «Я не подведу», — прошептал он, обращаясь не столько к дочери, сколько к самому себе. — «Больше никогда не подведу». И в этой клятве было больше силы, чем во всех его предыдущих достижениях, потому что она была искренней, идущей из самого сердца, из той глубины души, которую он так долго прятал от всех, и прежде всего — от себя самого.

«Это и есть точка ноль», где все начинается заново. Не с нового бизнеса, не с новых достижений, не с восстановления репутации — с простого обещания быть настоящим отцом для своей дочери, настоящим мужем для своей жены, настоящим сыном для своих родителей, настоящим другом, а не партнером. И это обещание было тяжелее любого груза, но одновременно давало ему крылья, чтобы взлететь к новой жизни, где главное — не то, чего он добился, а то, каким он стал.

Сергей завёл двигатель. Но теперь он ехал не потому, что «надо». А потому, что знал, что хочет двигаться, знал — куда. «Пустота — это не отсутствие успеха, это отсутствие направления».

ГЛАВА 2

Маршрут

Машина послушно мчалась вперед, проглатывая свежую прерывистую дорожную разметку. Сергей чувствовал, как каждый километр уносит его всё дальше от привычного мира, давая ему шанс. Он выключил радиоприемник и остался наедине с ровным урчанием двигателя и шумом шин по асфальту. За окном менялся пейзаж. Центр города неумолимый, всепоглощающий, как механизм, отлаженный до совершенства со своими небоскрёбами из стекла и бетона, возвышавшихся над Сергеем, словно стражи современного мира, с их зеркальными фасадами, разбивающие утреннее солнце на тысячи бесформенных бликов, неохотно отпускал его из своих цепких лап, сменяясь окраиной города, уступая место скромным однотипным многоэтажкам. Их серые фасады хранили следы множества дождей и зим, а в окнах отражалось не сияние неоновых вывесок, а спокойное утреннее солнце. Между домами, проплывающими за окном, раскинулись дворы с детскими площадками, где покачивались еще пустые качели и застыли в ожидании детских игр горки.

В просветах между домами открывались виды на просыпающийся пригород: аккуратные дачные участки с утренним туманом над грядками, небольшие рощицы, сохранившиеся с давних времён, и тихие улочки, где ещё не стихли ночные шорохи. Здесь, вдали от городской суеты, жизнь текла по своим законам. Соседи знали друг друга в лицо, дети свободно играли во дворах, а старенькие скамейки у подъездов служили местом встреч для местных жителей. В этих местах время словно замедлило свой бег, позволяя людям замечать простые радости бытия. Сергей невольно замедлял ход машины, впитывая эту особую атмосферу окраины — место, где город плавно переходил в природу, где городской шум сменялся пением птиц, а бетонные джунгли уступали место зелёным просторам. Здесь, вдали от делового центра, жизнь казалась более настоящей, более искренней, словно сохранившей свою первозданную чистоту.

Сергей, погруженный в мысли, выезжал из города, где для него открывались бескрайние просторы во всём своём первозданном величии. Поля, словно гигантские изумрудные ковры, плавно переходили друг в друга, теряясь в туманной дымке горизонта. Вдоль дороги тянулись перелески, где молодые берёзки, будто невесты, стройно выстроились в ряд. Их белые стволы, украшенные чёрными полосками, сверкали в лучах утреннего солнца. И воздух здесь был особенным — чистым, напоённым ароматом трав и свежестью росы. Сергей чувствовал, как с каждым вдохом в него вливается новая энергия. Он, буквально физически чувствовал, как с каждым километром его сердце наполняется новыми ощущениями, как будто сама земля раскрывала перед ним свои тайны, даря возможность увидеть мир по-новому, без спешки и суеты, в его первозданной красоте и гармонии.

Сначала Сергей ловил себя на том, что машина едет как будто сама, а он лишь держит руль, не прилагая никаких усилий. Это было непривычно: обычно он вёл автомобиль так, будто от скорости зависела чья-то жизнь. Сейчас же он не торопился. И от этой неторопливости внутри что-то постепенно разжималось, будто тугой узел, годами стягивавший грудь, наконец-то поддался.

Поля за окном тянулись ровной лентой, изредка прерываемой рошицами. Солнце, уже поднявшееся выше, скользило по верхушкам деревьев, выхватывая из общей картины отдельные детали: пологий склон, заросший высокой травой, старый покосившийся забор у заброшенного участка на краю дороги, стаю птиц, взмывшую над полем и тут же растворившуюся в небе. Сергей смотрел на это и вдруг понял, что давно не видел просто пейзажа. Всё, что попадалось в поле его зрения, он автоматически оценивал с точки зрения пользы: «тут можно

поставить склад», «этот участок подойдёт под застройку», «дорога слишком узкая для фур». А сейчас перед ним была просто земля, просто небо, просто тишина, которую нарушал только гул мотора и шуршание шин по асфальту.

«Куда я еду?» — этот вопрос пришёл не как упрёк, а как простое любопытство. Сергей плавно притормозил на обочине и вышел из машины. В нос ударил запах травы и еще чего-то легкого, едва уловимого. Сергей, задумался. Вопросы, которые приходили, были непривычны и удивительны — не «почему я не на совещании», не «сколько времени я теряю», а именно «куда?». И, кажется, впервые у него был на него честный ответ на этот вопрос: «Туда, где я был счастлив». Не туда, где он добился успеха, не туда, где его уважали, а туда, где ему было хорошо. Задержавшись еще на минуту, Сергей открыл дверь и сел на сиденье. Решение было принято. Он развернул машину и нажал на педаль газа. Мотор послушно набрал обороты и Сергея вдавило в кресло от ускорения. Сергей направился в старую деревню, где часто бывал в детстве. В бабушкин дом, куда он приезжал на выходные, будучи еще совсем маленьким мальчиком со своей мамой, туда, где проводил лето. Туда, где он познал простые истины: что земля — живая, что каждое дерево имеет душу, что настоящая радость — в простых вещах.

Снова за окнами замелькали пейзажи. Дороги здесь были особенные — неширокие, извилистые, они словно приглашали никуда не спешить, наслаждаться каждым поворотом. По обочинам росли полевые травы, колышущиеся при малейшем дуновении ветра. Редкие встречные машины, как будто, приглашали к внутреннему диалогу, напоминая о городе, скорости, задачах... Привычному ритму жизни... «Как странно... Раньше я мчался по этим дорогам, считая каждую минуту. А сейчас просто еду, и это не кажется потерей времени».

Мысли Сергея текли медленно, не сбивая друг друга, как это бывало в городе. Они складывались в короткие фразы, почти как строчки в блокноте, только не на бумаге, а где-то глубоко внутри. «Может быть, кризис — это не наказание, а шанс? Шанс остановиться, переосмыслить свою жизнь, понять, то, что действительно важно?»

«Я забыл, что счастье — это не пункт в плане. Это не результат или достижение. Это не успешное завершение нового проекта. Это состояние. И оно не требует даты завершения или отчёта».

«Я столько лет бежал от пустоты, что не заметил, как сам стал её заполнять чем попало. Встречами, звонками, срочными делами. Лишь бы не оставаться с собой наедине».

«А бабушка всегда говорила: „Не торопись. Земля никуда не убежит, и небо тоже“».

Эти воспоминания всплывали как картинки перед глазами, давно забытые ощущения в теле, и от этого все более будоражащие, вытягивающие «Я», давно забытое в болоте «надо». Без критики и оценки. «Кому это „надо“ — ему? Или системе, в которую он встроился и забыл спросить себя, зачем?».

Из потока вопросов Сергея выдернул откуда-то возникший запах свежего хлеба, совсем как тот, который он с жадностью вдыхал, нетерпеливо крутясь возле печки, когда бабушка пекла по выходным пирожки. Вспомнились ее тёплые, немного шершавые руки, обнимающие его, маленького, когда он прибегал с улицы, весь перепачканный землёй и травой. Скрип половиц в старом доме, который он раньше считал, чем-то само собой разумеющимся, и, иногда предательским, когда их скрип выдавал его, крадущегося к хрустальной вазе, накрытой старым полотенцем, чтобы утащить лимонную конфету, купленную на местном рыночке. А теперь вдруг понял, что это был звук дома. Живого, настоящего. В голове всплывали воспоминания о детстве, о том времени, когда мир казался огромным и полным чудес. Тот маленький мальчик Сережа, который видел волшебство в каждой травинке.

Сергей поймал себя на том, что улыбается. Не той дежурной улыбкой, которую он годами оттачивал для партнёров и коллег. Не той, за которую было стыдно, когда дочка говорила: «Папа, у тебя очень усталая улыбка. Как будто, тебе не нравится улыбаться», а настоящей улыбкой, от которой теплеет в груди. И от этого становилось даже немного неловко — будто

он делает что-то неприличное за рулём своего строгого автомобиля. Но он не стал её прятать. Пусть будет.

Дорога вывела его на трассу, и пейзаж стал ещё просторнее. Перелески сменились широкими разливными лугами, дорога пошла чуть в гору, а потом снова спустилась вниз, чтобы взмыть ввысь, открывая вид на небольшую долину. Сергей сбросил скорость, чтобы лучше рассмотреть этот вид. Ему вдруг захотелось запомнить его не на бегу, не краем глаза, а целиком. Как будто он собирал в себе кусочки чего-то важного, что давно растерял.

«Может быть, смысл не в том, чтобы всё время куда-то приходить, — подумал он. — А в том, чтобы замечать, то, где ты уже есть. И ценить это».

Он вспомнил, как в детстве они с мамой приезжали туда на выходные. Бабушка встречала их на крыльце, и в её глазах всегда было столько радости, будто она ждала этого момента всю неделю. А он тогда думал только о том, как бы скорее убежать на улицу, исследовать окрестности, найти что-то новое. И только сейчас, спустя столько лет, он вдруг понял, что для бабушки самым главным и было это простое «они приехали». Не его успехи, не его достижения, а просто его присутствие.

«Я так редко говорил бабушке, что она для меня важна, — пронеслось в голове. — Всё время казалось, что успею. Что впереди ещё столько дней».

Эта мысль кольнула, но не так остро, как раньше. Раньше от неё хотелось спрятаться в работе, загрузить себя делами, чтобы не чувствовать. А сейчас он просто позволил ей быть. Да, он мало говорил об этом. Да, многое упустил. Но это не повод снова бежать. Это повод остановиться хотя бы на мгновение и просто признать: «Я был неидеальным внуком. Но я её люблю».

Дорога начала петлять, повторяя изгибы реки, которую пока не было видно, но Сергей чувствовал её близость по тому, как менялся воздух — он становился свежее, немного прохладнее, в нём появлялся лёгкий запах воды и влажной земли. Он свернул на просёлочную дорогу, и асфальт сменился гравием. Машина теперь ехала чуть медленнее, подпрыгивая на кочках, и этот ритм тоже был другим — более живым, настоящим.

Деревья сомкнулись над дорогой, образовав зелёный тоннель. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, рисуя на капоте и лобовом стекле причудливые узоры. Сергей ехал и думал, что, возможно, именно в этом и есть его первый маленький смысл: не гнаться за чем-то большим, а замечать красоту в простых вещах. В дороге, в пейзаже, в воспоминаниях. В том, что делает его не успешным менеджером, а просто человеком за пределами ролей. Не тем управленцем, который постоянно действует, лишь бы почувствовать контроль. Не тем, кто заставляет себя делать «надо» прямо сегодня, прямо сейчас, ожидая облегчения от контроля, а от этого всё внутри только сильнее сжимается. Он впервые не пытался «решить проблему» прямо сейчас. Не искал рычаг, за который можно дёрнуть, чтобы вернуть контроль. Не делал что-то просто ради действия. Просто ехал и позволял мыслям быть.

Он вспомнил запись в блокноте: «Семья. Парк динозавров. Дочка. Отпуск». И впервые эти слова не казались второстепенными, чем-то, что можно отложить на потом. Они были не «в дополнение к работе», а частью его самого. И он вдруг понял, что хочет не просто записать их, а сделать реальными. Не когда-нибудь, а начать уже сейчас. И не для кого-то. Сделать для себя. Согласившись с этой мыслью, Сергей притормозил на обочине, достал телефон и заказал три билета в парк динозавров на следующие выходные. «Да. Я хочу начать прямо сейчас. Для себя!». Сергей кивнул своему решению и снова выехал на дорогу.

Дорога вывела его к небольшому холму, с которого открывался вид на деревню. Дома стояли вразнобой, некоторые выглядели заброшенными, другие — ухоженными, с резными ставнями, заботливо восстановленными новыми, а может, и прежними хозяевами. И где-то там, в конце улицы, стоял тот самый дом. Дом, где жила бабушка. Дом, куда он приезжал в детстве и где был счастлив.

Сергей остановился на холме, не глуша двигатель. Он смотрел на деревню, и в груди становилось тесно от чувств — не от тревоги, а от чего-то светлого, почти забытого. Он не знал, что ждёт его там, за воротами этого дома. Возможно, он увидит лишь руины и заросший сад. «Что я хочу там увидеть», подумал Сергей. ... «Или боюсь?» Нет. Это не пугало его. Потому что самое важное — те чувства, те воспоминания остались с ним. И сейчас он ехал не столько к дому, сколько к себе. К тому мальчику, который когда-то бегал по этим улицам и искренне радовался каждому дню.

Он глубоко вдохнул, чувствуя, как свежий воздух наполняет лёгкие, и тихо произнёс вслух:

— Я здесь. И я помню.

Сергей снова посмотрел на дорогу, которая вела вниз, к деревне, и плавно тронулся с места. Машина покатила по склону, и с каждым метром прошлое становилось всё ближе. Он ехал не чтобы убежать от настоящего, а чтобы найти в прошлом опору для будущего. Ведь, только когда исчезает фоновый шум, становится слышно главное. «Я не хочу или боюсь что-то увидеть! Я хочу почувствовать.» — мелькнула мысль, и на губах сама собой появилась та самая настоящая улыбка.

ГЛАВА 3

Место, где я был счастлив

Сергей медленно вёл машину, внимательно следя за колеёй. Асфальт давно потрескался, местами проглядывала земля, поросшая сорной травой. В зеркале заднего вида мелькали редкие деревья, чьи кроны казались почти чёрными на фоне блёкло — голубого неба. Воздух здесь был другим — густым, насыщенным запахами сухой травы и нагретой земли. Сергей притормозил у поворота, где когда-то стоял указатель с названием улицы, и теперь здесь лишь торчали ржавые остатки столба.

Машина, будто нехотя, выехала на знакомую улицу. Сергей медленно спускался по склону, приближаясь к тому самому дому. Всё вокруг будто замерло в полуденной тишине — ни лая собак, ни скрипа калиток, ни голосов. Только ветер шелестел сухой травой, заполонившей обочины.

Он узнал дорогу — каждый поворот, каждый изгиб был знаком до мельчайших деталей. Вот здесь, у старого дуба, они с пацанами устраивали пикники. А там, за поворотом, был пруд, где они ловили головастика. Каждый метр пути пробуждал новые воспоминания, словно сама земля хранила их в своей памяти.

Дом он узнал сразу. Даже сквозь заросли бурьяна и одичавшего шиповника угадывались знакомые очертания. Крыльцо слегка покосилось, доски потемнели от дождей и времени. Бревенчатые стены, когда-то ярко выкрашенные в небесно-голубой цвет, теперь уныло поглядывали на мир сквозь облупившуюся краску. На столбе у калитки висели отрезанные провода, словно сухие, мёртвые змеи, безжизненно свисающие петлями. Участок зарос высокой травой, в которой тонули старые тропинки, когда-то протоптанные им и соседскими мальчишками. Покосившийся деревянный забор, густо обросший лишайником, был едва заметен.

Сергей заглушил двигатель и посидел минуту, слушая щелчки остывающего мотора. Тишина здесь была не городской, не пустой, а какой-то живой, наполненной: в ней слышался шелест листвы, далёкий крик птицы, скрип старой ветки, стрекотание кузнечиков. Сергей глубоко вдохнул — и вдруг уловил тот самый запах: сырой земли, скошенной где-то травы и старой древесины. Запах, который он не вспоминал годами, но который мгновенно возвращал его в детство. «Вот оно», — подумал он. — «То, что я искал. Не дом. А ощущение».

Немного волнуясь, он вышел из машины в густую, давно некошеную траву, которая с характерным шуршанием охотно цеплялась за дорожную ткань фирменных брюк теперь нечистого здесь гостя. Калитка не поддавалась. Доски снизу вросли в землю, петли окончательно проржавели. Тогда он обошёл забор и перелез через покосившуюся перекладину, чувствуя, как старая древесина чуть поскрипывает под рукой. Так же, будучи мальчишкой, он с пацанами перелезал через соседский забор, чтобы нарвать малины, крыжовника и яблок, а потом вприпрыжку убежал от казавшейся тогда очень строгой и грозной бабульки-соседки, чтобы не получить от неё тумаков.

Перебравшись через забор, Сергей на минуту остановился и прислушался. На участке было тихо. Слишком тихо для места, где когда-то кипела жизнь. Подойдя к крыльцу, он задержался взглядом у края участка, где у самой границы с соседским двором рос каштан — тот самый, который он посадил, будучи еще совсем маленьким. Тогда это был тонкий прутик, который он поливал из жестяной кружки и каждый день проверял, не появился ли новый листочек. Сейчас дерево стояло крепкое, раскидистое, спокойно и уверенно тянувшее ветви к небу. Оно не старалось быть выше всех, не рвалось вперёд любой ценой, не доказывало свою силу. Оно просто росло, принимая дождь и солнце, ветер и тень. В этом спокойном величии дерева

Сергею вдруг увиделась странная, но точная метафора: сила не в том, чтобы всё время что-то доказывать, а в том, чтобы просто быть, становиться крепче и не стремиться сделать больше, чем нужно.

Подойдя к крыльцу, Сергей осторожно поднялся по ступеням. Доски отозвались привычным скрипом, тем самым, который он когда-то считал предательским. И вдруг ему стало смешно: сколько лет он боялся быть замеченным, а теперь этот скрип был самым желанным звуком на свете.

Дверь оказалась заперта. Сергей пошарил рукой над дверным проёмом и вскоре нащупал запылившийся, опутанный плотной паутиной ключ. Замок с характерным щелчком открылся, и Сергей слегка нажал на дверь. Она чуть приоткрылась от лёгкого толчка, впуская Сергея. Дом встречал его запахом пыли, старой бумаги и чего-то неуловимо родного. Внутри было сумрачно: свет с трудом пробивался сквозь мутные стёкла и зашторенные занавески. В прихожей всё стояло на своих местах, будто время здесь остановилось. Старый сундук у стены, вешалка с крючками, на одном из которых всё ещё висел потрёпанный брезентовый рюкзак, наверное, тот самый, с которым он бегал по лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.